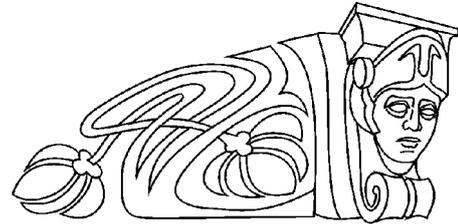

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 158–163
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 158–163
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-158-163>

Научная статья
УДК [355.48:316.42](100)|1914/1918|:930(4–15):323.272(470+571)|1917|

Концепция «брутализации» общества и ее возможности для анализа Великой российской революции

Н. В. Аленичева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Аленичева Наталья Владимировна, аспирант кафедры истории России и археологии, aleni4ewa.nat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-2667>, Author ID: 895818

Аннотация. В статье анализируется зарубежная историография по проблеме «брутализации» общества после Первой мировой войны. В частности, рассматриваются работы историков университетов Западной Европы, которые не имеют изданий на русском языке. Предпринимается попытка соотнести выводы зарубежных исследователей о влиянии Первой мировой войны на «огрубение» европейского общества с событиями, происходившими в России после 1917 г.

Ключевые слова: историография, военизированное насилие, брутализация, российская революция, вооруженные формирования, гражданская война

Для цитирования: Аленичева Н. В. Концепция «брутализации» общества и ее возможности для анализа Великой российской революции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 158–163. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-158-163>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The concept of “brutalization” of society and its possibilities for analyzing the Great Russian Revolution

N. V. Alenicheva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalia V. Alenicheva, aleni4ewa.nat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-2667>, Author ID: 895818

Abstract. The article analyzes foreign historiography on the problem of “brutalization” of society after the First World War. In particular, the works of historians of Western European universities, which do not have publications in Russian, are considered. The author attempts to correlate the conclusions of foreign researchers about the impact of the First World War on the “coarsening” of European society with the events that took place in Russia after 1917.

Keywords: historiography, paramilitary violence, brutalization, Russian revolution, armed groups, civil war

For citation: Alenicheva N. V. The concept of “brutalization” of society and its possibilities for analyzing the Great Russian Revolution. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 158–163 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-158-163>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Первая мировая война занимает более важное место в исторической памяти народов центральной Европы, нежели в российском обществе. Европейские историки на протяжении XX в. часто обращались в своих работах именно к проблемам «La Grande Guerre» и ее последствиям в условиях революционных событий в Европе в 1920–1930-е гг.

В российской историографии существует термин «военизированное насилие», применяе-

мый для оценки деятельности различных военизированных формирований, в том числе в 1917–1920 гг. Этот термин впервые появился в зарубежной историографии в 1930-е гг. и использовался для характеристики вооруженных политических формирований, созданных и функционирующих по военному принципу в фашистских государствах. Позже его стали применять и для обозначения формирований, принимающих уча-

стие в антиколониальных и постколониальных конфликтах.

Современные зарубежные исследователи рассматривают проблему «военизированного насилия» в рамках концепции «брутализации» общества после Первой мировой войны. Почти утвердившимся в трудах различных авторов считается вывод о том, что Первая мировая война вскрыла человеческую жестокость, которая в обычных условиях не имела бы таких масштабов. Во время войны стирались привычные нормы и модели поведения, что повлияло на активизацию насилия различных форм уже в послевоенное время. Такие процессы нашли отражение в термине о «брутализации» общества.

Широкое освещение через призму концепции «брутализации» получила история Веймарской республики. К числу первых работ, в которых рассматривался тезис о «брутализации» европейского общества после Первой мировой войны, относится книга историка французского происхождения Георга Моссе «Fallen soldiers» 1990 г. [1], который фактически дал импульс для других исследователей к рассмотрению культурной истории Первой мировой войны.

Моссе как раз таки обосновывал существование прямой причинно-следственной связи между опытом солдат, полученным на фронте и опытом насилия, применяемым в период прихода к власти национал-социалистов в Германии, а также деятельностью фрайкоров. Военный опыт, по утверждению Моссе, привел к умалению моральных ценностей и банализации убийства. Кроме того, Г. Моссе одним из первых задумался о судьбе военизированных формирований, возникших после Первой мировой войны.

Как и Г. Моссе, Э. Пикар видел проявление неограниченного насилия, возникшего после Первой мировой войны, в гражданских войнах и геноциде в некоторых странах [2, р. 4].

Антуан Про в статье «Границы жестокости: убийство на Западном фронте в 14–18 гг. XX в.» также находит взаимосвязь между прошедшей войной и разрушенными ограничениями, когда «убийство становится не только законно, но и ценится как таковое» [3, р. 6]. А. Про отнюдь не отрицает, что такие убийства могли сопровождаться чувством вины и даже приводит данные эмпирических социологических исследований, свидетельствующих о том, что большая часть солдат на фронте стреляли и целились не по конкретным солдатам противника и при этом не желали крови и убийства, а вели огонь по вражеским позициям в общем, для собственной защиты: «Не более 15% солдат действительно вели огонь по позициям или живой силе противника, в то время, как по крайней мере 80% имели такую возможность» [3, р. 8].

Продолжая рассуждать о возможных настроениях и чувствах солдат на фронте, А. Про, вновь

опираясь на результаты социологических исследований, включает в число ветеранов как настоящих убийц, получавших удовольствие от факта убийства, так и случайных убийц, солдат, которые не убивали даже когда представлялась возможность» [3, р. 9].

Обращаясь к послевоенным военизированным формированиям, исследователи отмечают похожий состав групп, применяющих насилие. Лектор Дублинского Тринити-колледжа, специалист по истории войны за независимость Ирландии 1919–1921 гг., Энн Долан, рассматривая состав ирландских фрайкоров, отмечает существование в них экстремистов, безразличных к своему делу и служащих исключительно ради жалования [4, с. 331]. Таким образом, модели поведения и настроения отдельных членов различных военизированных формирований, образованных в межвоенное время, были достаточно пестрыми.

Если исходить из основных тезисов концепции «брутализации», то можно утверждать, что Гражданская война в России также стала одним из проявлений неограниченного насилия в послевоенный период. Военизированными вооруженными формированиями, возникшими после Первой мировой войны, стали в том числе отряды Красной и Белой гвардий. Красная гвардия, сформированная из рабочих, крестьян, солдат и матросов, имела схожую организацию с боевыми дружинами 1905 г. Ее комплектация происходила из числа добровольцев разного возраста, но преимущественно молодых, многие из которых имели опыт военных действий.

В целом тезис о «брутализации» европейского послевоенного общества вызывает многочисленные дискуссии, связанные с различными его аспектами, в частности, своего рода «выборочной брутализацией». Г. Моссе и поддержавший основные положения его теории А. Про подчеркивали, что из ряда «брутализированных» послевоенных европейских обществ исключаются некоторые страны, в том числе Франция и Великобритания. Более того, ветераны этих двух стран в свое время утвердились именно на пацифистских позициях. Этот и некоторые другие факты сформировали среди оппонентов Моссе и Про точку зрения, не рассматривающую военный опыт фронтовиков как основополагающую причину военизации и огрубения, т. е. повышения степени насилия, применяемого в послевоенных обществах. Так, Бенъямин Циманн [5] и Ричард Бессел [6] отмечали, что военный опыт не следует рассматривать как единое целое ввиду сословных и классовых различий в восприятии войны, т. е. разной реакции на военный опыт. По их мнению, демобилизация солдат была встречена населением положительно, следовательно, вчерашние солдаты отказывались от прошлого опыта. Авторы объяснили выводы Моссе как следствие незначительной выборки

источников. Выступая против некоторых тезисов «брутализации», Циман и Бессел приводят данные состава фрайкоров и НСДАП, отмечая, что первые состояли не только из ветеранов, но и молодых людей, не имевших военного опыта, а НСДАП во главе с прошедшим войну Гитлером включал в себя 22–24-летних, т. е. тех, кто пережил войну еще в детском возрасте.

Однако для Моссе брутализация – это комплексный процесс, и огрубение общества не представляется его самым важным аспектом. Он отмечает роль в «брутализации» процесса мифологизации войны и тиражирование военного опыта среди населения стран, потерпевших поражение в Первой мировой войне. На фоне поражения в войне и дискуссиях о ее причинах в этих странах не удалось создать культ памяти. Так, в Германии в отличие от Франции и Великобритании не было ни одного памятного места или памятного дня, посвященного Первой мировой войне. Такой вывод можно переложить и на понимание Первой мировой войны в советском государстве.

Гражданская война, сопровождавшая ее интервенция и приход к власти Советов, исключили траур и создание мемориалов в память об «империалистической» буржуазной войне. Конечно, в СССР 1920-х гг. память о Первой мировой войне существовала и выражалась в других коммеморативных формах, например в юбилейных кампаниях, проводимых в рамках агитационно-пропагандистской работы, в том числе посредством Коммунистического интернационала. Такие мероприятия были призваны решать задачи текущей обстановки, формируя образ Первой мировой войны как захватнической и империалистической. Однако посредством юбилейных кампаний предполагалось распространять коммунистические идеи в западных странах, привлекать на свою сторону новые силы. 1 августа воспринимался не как день памяти жертв войны, а носил «характер боевого смотра революционных пролетарских сил» [7, с. 909].

В 1930-е гг. в немногочисленных работах историков, посвященных Первой мировой войне, внимание смещается на «виновников» развязывания войны. Роль царской России уходит на второй план, а в авангарде главных подстрекателей этой войны становится сначала Великобритания, а после прихода к власти НСДАП – Германия. «Краткий курс...» изменил образ мировой войны, ориентируясь на текущую обстановку. Память о войне как трагедии и подвиге народа практически перестала существовать.

Возвращаясь к тезису о «выборочной брутализации», обратимся к Дирку Шуману [8]. Исследователь нашел причину более активного применения опыта насилия в странах, потерпевших поражение после Первой мировой войны, в том, что внутренне более стабильные Франция и Великобритания применили свой потенциал

насилия в колониях, в то время как Германия после 1918 г. такую возможность утратила. Однако эмпирические данные, подтверждающие эту гипотезу, еще не приводились, поэтому сложно ответить на вопрос: стал ли уровень насилия в колониях этих стран выше, чем до начала конфликта?

Еще одной составляющей рассматриваемой концепции является понимание «культуры войны». Э. Пикар употребляет термин «культура войны» как многомерное, исторически динамичное понятие, измерение которого связано с определением войны и вооруженного насилия как «особого феномена цивилизации, формированием понятийного аппарата, с анализом мировоззренческих проблем войны и критическим разбором различных ее интерпретаций» [2, р. 2–3]. По мнению автора, «культура войны» характеризуется глубиной и общностью ненависти, ощущаемой и выражаемой как солдатами, так и тылом. Эта ненависть проявлялась во всей своей злобе на «внутренних фронтах», через жестокость языка и образов, исходя непосредственно от самого населения [2, р. 2].

А. Про также отмечал прямую взаимосвязь огрубения общества и жестокости отдельных индивидов, так как последнее является самым условием первого [3, р. 11]. Обратившись к ситуации в Российской империи в середине войны, можно заметить взаимосвязь настроений солдат, дезертиров и изменений взглядов населения городов, в которых их мнения распространялись [9, с. 557].

«Культура войны» в понимании Пикара имеет связь с процессом мифологизации войны и последующим ее тиражированием в качестве инструмента мобилизации населения, т. е. с тем явлением, которое обозначил еще Г. Моссе.

Как рычаг воздействия на массы Первая мировая война использовалась большевиками при обсуждении вопроса о мире, который после событий февраля 1917 г. стал одним из самых острых в России. Первым декретом советской власти стал именно Декрет о мире, составленный В. И. Лениным. Его издание было главным шагом Советов в соперничестве за лояльность армии со Ставкой. Очевидно, что советской власти требовалось как можно скорее вырвать армию из рук старых военных властей. Глава СНК в качестве рычага воздействия на армию использовал апелляцию к массам. И вопрос о мире – один из принципиальных вопросов революции, «отражающий чаяния народа, обычных солдат и матросов» – был главным козырем в борьбе с «милитаризованной Ставкой».

Ставка же упорно вкладывала в головы офицеров мысль о том, что большевики с подачи союзников стремятся к заключению предательского мирного договора. Во многом эскалация конфликта, связанная с пониманием целей данного договора, и продолжающаяся борьба за армию

подтолкнули к началу Гражданской войны в России.

Большинство зарубежных авторов, рассматривающих огрубение европейского общества, сходятся и во мнении о том, что термин «культура войны» и концепция «брутализации» имеет давнюю историю, и за последние 20 лет исследователи все чаще стали обращаться к данному вопросу. В частности, Г. Моссе в работе «Брутализация в европейский кампании» продолжает развивать теорию о том, что военизированные формирования вместе с «брутализацией» имеют более давнюю историю и не ограничиваются периодом, отсчет которого начался после Первой мировой войны. Принимая облик местного ополчения, партизанского движения или народных ополчений, вооруженных отрядов, дополняющих силы правопорядка, военизированные формирования играли значительную роль во времена военных поражений, в частности в Испании, Австрии и Пруссии, России, во время Наполеоновских войн, когда регулярные армии были не способны остановить французское наступление [10, p. 185].

Отличительная черта новых движений в XX в. состояла в том, что они появились после завершения столетнего периода, в течение которого национальные армии стали нормой, а современные полицейские силы, уголовные кодексы и тюрьмы способствовали полному закреплению мало кем оспаривавшейся монополии на насилие в руках государства. Эта монополия была разрушена одновременно с тем, как мировая война сменилась многочисленными мелкими конфликтами. Поскольку это происходило в рамках общей трансформации государственных форм, социальных структур и политических идеологий, военизированное насилие стало иметь двойное значение – как сила, влиявшая на исход военных конфликтов, а также как новый источник политической власти и государственной организации. Военизированное насилие приобрело наряду с военно-оперативным политическое и символическое влияние [10, p. 185–186].

О символическом влиянии военизированного насилия рассуждает аспирант Берлинского университета Гумбольдта Джулия Айхенберг в работе «Из солдат-в штатские, из штатских-в солдаты: Польша и Ирландия после Первой мировой войны». Рассматривая проблему «брутализации» общества в начале XX в., она также подчеркивает идею об «ультрамаскулинном» характере военизированного насилия в послевоенных обществах, и, по ее мнению, история Ирландии и Польши – подтверждение этого правила. Д. Айхенберг обращает внимание на участие в военизированных формированиях, возникших после Первой мировой войны, не только ветеранов, но и примкнувших к ним подростков и женщин, не имевших военного опыта. Поддерживая вывод об исчезновении принципа «ограничения насилия» в период Первой мировой

войны и после нее, Айхенберг отмечает и размывание большинства социокультурных реалий: возраста, пространства, различий между маскулинностью и феминностью и др.

Своеобразные «афтершоки» войны подчеркивались ветеранами, для которых не были новыми аскетизм, насилие и оружие. Этот опыт и его влияние на других членов общества можно оценить и вкладом военизированных группировок в формирование нации. По мнению Д. Айхенберг, их роль оставила «неудобное и пагубное наследие, препятствовавшее признанию вклада «неожиданных» комбатантов, т. е. детей, подростков и женщин, и затруднившее их интеграцию в национальную память» [11, с. 316].

Такие препятствия в процессе интеграции Д. Айхенберг видит в их опасности для нового стабильного политического режима. В первую очередь потому, что военизированные группировки не соблюдали социальные функции вне военного времени, а также из-за того, что выступали альтернативой для национального мифотворчества и самолегитимации.

В большинстве стран в ходе преобразования догосударственных военизированных формирований в национальную армию прославляли только тех солдат, которые соответствовали своим социальным положением стандарту здоровых молодых людей как основы новой нации, рожденной в горниле войны [11, с. 317].

Таким образом, опыт войны и его мифологизация имели различные трактовки в зависимости от цели их использования. Применима эта формула трансформации из «защитающего» в «угрожающего» и к российской действительности. К примеру, преобразования, происходившие с Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) после революции 1917 г., можно рассматривать как пример процесса, описанного выше. Хотя и ВЧК нельзя назвать чем-то стихийно возникшим после революционных событий, так как ее появление стало обоснованным для большевистского правительства в декабре 1917 г., этот орган в годы революции и Гражданской войны представлялся и именовался как чрезвычайная комиссия, как «разящее орудие против бесчисленных заговоров, покушений на Советскую власть...» [12, с. 327].

Позже, в 1922 г., ВЧК преобразуется в ГПУ НКВД РСФСР. Это было связано, в первую очередь, с административно-управленческими преобразованиями новой власти, происходившими в тот период в большинстве ведомств. Однако не последнюю роль играл тот фактор, что образ ВЧК рождал аллюзии на репрессии и жестокость периода хаоса – Гражданской войны. Факты репрессий и риторика обвинительных приговоров против большевиков в конце 1920–1930 гг. можно считать примером борьбы с «альтернативой для национального мифотворчества и самолегитимации» нового руководства страны. Рассматривая дальнейшие события

в СССР, можно сделать вывод, согласно которому частичное военизированное насилие применялось и для легитимации контрреволюционного дела уже после его поражения.

Энн Долан в своей работе «Британская культура военизированного насилия в ирландской войне за независимость» рассматривает схожие явления на «ирландской почве». Он предлагает вниманию случай, произошедший с майором Генри Проктером в палате общин в 1933 г. Во время дебатов представитель Лейбористской партии высказался в его адрес, отметив: «что ему (Проктеру. – Н. А.) за время пребывания в рядах «черно-коричневых» в Ирландии удалось приобрести большой опыт в сожжении домов, нежели в их строительстве» [4, с. 339]. Таким образом, лейборист оскорбил его, причислив к группе «черно-коричневых». Это, по мнению автора, подтверждает факт существования в перцепции британского общества 1930-х гг. чувства дискомфорта от военизированного прошлого страны.

Причисление к «черно-коричневым» означало оскорбление, унижение и позор, это вызывало ассоциации с недисциплинированностью и беспорядком, с репрессиями и убийствами, которые стали характерными особенностями ирландской войны за независимость. Э. Долан замечает важную деталь: «Ирландское насилие вызвало яростную контрреакцию против политического насилия в Великобритании» [4, с. 339].

Изложенное заставляет задуматься над проблемой «брутализации» российского общества в период Великой российской революции 1917–1922 гг. Популярно в этой связи мнение У. Розенберга о том, что происходившие в различных регионах Российской империи революции политические, национальные конфликты с первых месяцев 1917-го до осени 1918 г., могли и не быть насильственными по своей природе. Однако сосредоточение властных ресурсов в руках меньшей по численности, но имеющей общую цель большевистской партии зимой 1917/18 г. в разгар Первой мировой войны дало мощный толчок революционному насилию, последствием которого стало возникновение армии, «чьей основной целью являлись жестокие репрессии против революции, и в первую очередь – против революционеров» [13, с. 37]. Параллельно с этим в России революционеры организовывали формирования, действовавшие наряду с Красной армией, например, вооруженные отряды при комбедах и др.

Отчасти с некоторыми положениями концепции «брутализации» и военизированного насилия соглашались и советские ученые, занимавшиеся историей Красной армии. Еще в советской историографии утвердился вывод о том, что советское правительство, регулируя и контролируя деятельность различных вооруженных формирований, объединило всех ей лояльных в отряды

красноармейцев, а несогласные были подвергнуты уничтожению [14].

В современной европейской историографии популярной при выборе темы исследования стала концепция «брутализации» общества в странах Европы после «Великой войны». Повышение уровня жестокости общества, стирание рамок дозволенного и неограниченное насилие, а также квазивоенные формирования и банды, возникшие после войны, стали символами периода конца 1910–1920 гг. в России, Ирландии, Восточной и Центральной Европе. Состав таких военных формирований был крайне пестрым: в них входили «целенаправленные убийцы» и воюющие за жалование или идею; мужчины, вернувшиеся с фронта, и женщины с подростками, но большинство из них уже имели к этому моменту какой-либо военный опыт.

Несмотря на то, что проблема «брутализации» возникла не впервые в начале XX в., «культура войны» вошла в повседневность некоторых обществ и просуществовала долгое время. «Афтершоки» Первой мировой войны проявлялись на протяжении нескольких последующих десятилетий. Однако все причастные к опыту военизированного насилия лишь выборочно интегрировались в национальную память народов СССР и некоторых европейских стран.

Список литературы

1. Mosse G. L. *Fallen soldiers : Reshaping the Memory of the World Wars*. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1990. 264 p.
2. Picard E. A propos d'une notion récente : la culture de guerre // *Frédéric Rousseau. Guerres, paix et sociétés*, 1911–1946, Atlande, 2004. P. 667–674. fhalshs-00585931. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00585931/document> (дата обращения: 10.06.2021).
3. Prost A. 'Les Limites de la brutalisation : tuer sur le front occidental en 14–18' // *Vingtième siècle : Revue d'Histoire*, 5, January–March. 2004/1. № 81. P. 5–20.
4. Долан Э. Британская культура военизированного насилия в ирландской войне за независимость // *Война во время мира : Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 : сборник статей / ред. П. Герварт, Д. Хорн. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 325–349. URL: https://royallib.com/read/kattser_nikolaus/voyna_vo_vremya_mira_voenizirovannye_konflikty_posle_pervoy_mirovoy_voyni_19171923.html#0 (дата обращения: 11.12.2021).*
5. Ziemann B. Germany after the First World War – A Violent Society? Results and Implications of Recent Research on Weimar Germany // *Journal of Modern European History*. 2003. № 1. P. 80–95.
6. Bessel R. *Germany after the First World War*. Oxford : Clarendon Press, 1993. 325 p.
7. Международный день против империалистической войны // *Коммунистический интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна*

- и пленумов ИККИ / под ред. Бела Куна. М. : Партийное издательство, 1933. С. 908–911.
8. *Schumann D.* Europa, der erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit. Eine Kontinuität der Gewalt? // *Journal of Modern European History*. 2003. Vol. 1. P. 23–43.
9. *Аленичева Н. В.* Социально-психологические факторы восприятия революционных событий 1917 года в солдатской среде (по материалам Саратовской губернии) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения*. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 544–558. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-554-558>
10. *Mosse G.* De la Grande Guerre au totalitarisme. La brutalisation des sociétés européennes. Paris : Hachette Littératures, «Histoires», 1999. 291 p.
11. *Айхенберг Ю.* Из солдат – в штатские, из штатских – в солдаты : Польша и Ирландия после Первой мировой войны // *Война во время мира... : сборник статей / ред. Р. Герварт, Д. Хорн*. С. 301–325.
12. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 44 : Июнь 1921 – март 1922. М. : Издательство политической литературы, 1970. 725 с.
13. *Розенберг У.Г.* Революция и контрреволюция : синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920 годы) // *Война во время мира... : сборник статей / ред. Р. Герварт, Д. Хорн*. С. 35–63.
14. *Герман А. А.* Военно-боевая работа большевиков Нижнего Поволжья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1985. 248 с.

Поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 13.12.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 31.01.2022